Солнечная пыль

Автор:
Диего Валенсия

Солнечная пыль

Диего Дон Валенсия

Я расскажу вам о любви

Однажды летом Диего, гостя у матери в Ростове-на-Дону, знакомится с Ларой – девушкой-солнышком, нежной и взбалмошной. Искра между ними пробегает сразу, но Лара еще подросток, и Диего не может дать волю чувствам. Пожив какое-то время в Испании и закрутив роман с темпераментной испанкой, он возвращается в Россию в тот самый день, когда подросшая Лара должна выйти замуж за другого…

Диего Дон Валенсия

Солнечная пыль

© Диего Дон Валенсия, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Пара слов для читателей

…Лара…

Эта книга посвящается ей. У каждого свой способ излить эмоции, я нашел именно этот: запечатать их в слова.

И когда закончил рассказ об этой особенной девушке, о нашей любви, стало легче, я освободился и какое-то время не заглядывал в файл. Но история по-прежнему жива, навеки похоронить ее мне не удается. Я помню… И знаю, что не забуду никогда.

Сам не понимаю, зачем дал прочитать текст своему другу Даниэлю. Видимо, хотелось разделить с кем-то груз воспоминаний, чтобы облегчить душу. Он был впечатлен, сказал, что даже не подозревал о таких страстях, со стороны мы выглядели обычной и довольно счастливой парой.

Получилось так, что и Даниэль не смог забыть эту историю. И через какое-то время, когда мы вместе приехали в Москву, он пригласил меня в издательство, к своей знакомой, ведущему редактору одного из отделов. По понятным причинам имя я скрою. Назовем ее, к примеру, Сеньорита Икс. Она оказалась очаровательной и доброжелательной. Мы уединились в «переговорке», пили ароматный зеленый чай и много говорили. Я сердился на друга, как оказалось, он пару месяцев назад отправил файл редактору, решив, что такая книга понравится многим. Мне сообщать не стал, подумав, что если мое произведение получит отказ, то это меня больно ранит.

Сеньорита Икс задавала много вопросов. Первым делом ее интересовало, есть ли вариант на испанском.

– Нет, – ответил я. – Текст только на русском. Я писал на эмоциях, в память о русской девушке Ларе, и на другой язык переводить не собираюсь.

– И у вас эксклюзивные права! – с улыбкой заявил Даниэль.

Сеньорита Икс мило улыбнулась ему и спросила, не является ли мой друг моим литагентом. На что Даниэль отрицательно покачал головой, рассмеялся и сказал, что «мавр свое дело сделал, мавр может уходить».

– Будете издаваться под своим настоящим именем? – уточнила Сеньорита Икс.

Я растерялся, такой вопрос никогда не приходил мне в голову.

– Не стоит, – сказал Даниэль. – Лучше взять псевдоним.

– Псевдоним… – в раздумье повторил я.

Но решение пришло мгновенно.

– Имя оставлю, – твердо произнес я, – а вот вместо фамилии пусть будет название реки. Думаю, из моей книги понятно почему… Диего Дон, как?

– Звучит! – ответил Даниэль.

– Ах да, вы же детство провели в Ростове-на-Дону, – с улыбкой проговорила Сеньорита Икс.

– И все же постоянно ты живешь в Испании, – заметил Даниэль.

– Но часто езжу в Россию и не только, – задумчиво произнес я. – Хотя ты и прав! Тогда пусть будет Диего Дон Валенсия.

– Что ж, отлично! Все так и оставим, – подытожила Сеньорита Икс.

После посещения редакции мое настроение вдруг упало. Честно, я испугался, все произошло так быстро и будто помимо моей воли. И даже захотелось отказаться от публикации. Обнародовать личную историю, выставить напоказ интимные переживания, раскрыть перед незнакомыми людьми тайники своей души – на это нужна определенная смелость.

Но я всегда стараюсь увидеть и понять «знаки судьбы». Этому меня научила Лара. И раз уж так все сложилось, я должен дойти до конца.

И вот книга издана, «Солнечная пыль» у вас в руках. Делюсь сокровенным, дорогой мой читатель.

Ваш Диего Дон Валенсия

Глава первая

Лара. Первая встреча

Закатное солнце слепило глаза, я прикрывал их рукой, но взгляда не отводил. Сам не понимал, почему я смотрю и смотрю из-под ладони на эту девушку. Она прыгала, подавая мяч, изгибалась стройным телом в микроскопическом купальнике. Загорелая кожа блестела, светлые волосы разлетались, лучи низкого солнца подкрашивали их в золотисто-червонные тона, мелкий речной песок пылил от ее беспрерывной беготни и прыжков, создавая колышущуюся, моментально слетающую завесу, и я видел ее тонкие лодыжки и стройные икры. Девушка заливисто смеялась, попадая в кого-нибудь из друзей мячом, а если перебрасывала его через высокую волейбольную сетку, то громко кричала от восторга и хлопала в ладоши.

Я лежал на пляжном полотенце неподалеку и наблюдал за игрой. Август выдался жарким, столбик термометра днем поднимался до 35, и основная масса отдыхающих появлялась у реки ближе к вечеру. Это была закрытая территория ГД «Золотой берег», пляжный участок всегда вычищали, белые пластиковые шезлонги с утра промывали и выставляли ближе к воде (моя мать, владелица гостевого дома, строго следила за порядком), большие зонты защищали от палящих лучей солнца. А оно в Ростовской области жарило до поздней осени. Хутор удачно расположился на берегу Дона, это привлекало людей, дела у мамы шли отлично, и уже не первый год. И я с удовольствием проводил время у нее в гостях. Родители разошлись, когда мне было пять лет, отец остался в родной Валенсии, мама вернулась в Ростов?на-Дону. Я жил здесь до одиннадцати лет, учился в местной школе, поэтому русский язык считаю таким же родным, как и испанский.

Мяч ударил меня в плечо, я вздрогнул и резко сел. Девушка «с солнцем в волосах» бежала ко мне и смеялась. Пряди бились за ее плечами, как светящиеся крылья. Я поднял мяч и вскочил. Она оказалась ниже меня почти на голову. Остановилась, подняв лицо, и смотрела уже без улыбки. Голубые глаза словно погасли и приобрели серый оттенок, в их глубине появилась грусть. Это

было странно и даже противоречиво, весь облик незнакомки излучал радость, ее глаза только что искрились весельем, и вдруг на какой-то миг эта лучезарная энергия потухла, ее затемнила печаль. И мне невыносимо захотелось прижать девушку к себе и утешить, сам не знаю почему. Она опустила глаза.

– ?Hola! ?Que tal? – быстро произнес я на испанском неожиданно для себя.

– Чего? – с недоумением спросила она, глянула на меня и снова рассмеялась.

Будто солнечные искорки зажглись в ее зрачках и прогнали печаль. И это показалось мне невероятно прекрасным. В груди разлилось тепло, захотелось рассмеяться в ответ. Я стоял и глупо улыбался, глядя на незнакомку.

– Эй! – весело позвала она и прыснула.

– Ой, простите! – опомнился я и протянул ей мяч. – Машинально поприветствовал на испанском.

– Круто! – восторженно заявила девушка. – И чего ты сказал?

– Да ничего такого, стандартная фраза, – ответил я, начиная смущаться, и перевел: – «Привет! Как дела?»

– Ты прикольный, – сказала она. – И на русском нормально говоришь! И чего ты мне выкаешь? А ты переводчик?

Я растерялся от такого количества вопросов.

– Чего молчим? – насмешливо спросила девушка.

– Я журналист, – неловко и не к месту сообщил я, не в силах преодолеть все нарастающее непонятное волнение.

Обычно у меня не возникает трудностей в общении с незнакомыми людьми, и уж тем более с хорошенькими девушками, но сейчас меня сковало какое-то необъяснимое смущение.

– Ларка! – раздался крик. – Ты чего там застряла? Игра стоит!

Она резко обернулась и бросила мяч подбежавшему парню. Он ловко поймал его и недобро на меня глянул.

– Не буду мешать, – сказал я, поднял полотенце и ушел с пляжа, не оборачиваясь.

Удивился, как упало настроение без видимых на то причин.

На следующий день погода испортилась, небо затянули тучи, и на пляж я не пошел, хотя все утро думал о Ларе. У мамы имелся просторный коттедж, где располагалось все ее семейство. После развода с моим отцом она быстро вышла замуж. На этот раз мама выбрала своего соотечественника, родила ему двух дочек и занялась совместным бизнесом, открыв гостевой дом на хуторе Арпачин, расположенном неподалеку от Ростова-на-Дону. В этом городе мама родилась и выросла. Когда я приезжаю к ней, то предпочитаю останавливаться именно в гостевом доме, хотя меня всегда зовут пожить в семейном коттедже. Я люблю своих сестер, к маминому мужу отношусь с определенной долей симпатии, но мне комфортнее находиться отдельно от них. Иногда я бронирую номер отеля в Ростове-на-Дону – этот город мне так же близок, как и Валенсия, а к маме просто приезжаю в гости. Она все понимает и не обижается.

Несмотря на испортившуюся погоду, под влиянием странного настроения я отправился из гостевого дома к маме. Коттедж находился на краю хутора, в получасе ходьбы. Хотелось прогуляться, привести мысли в порядок, но на полпути меня настиг настоящий ливень. Я бросился под развесистый вяз, растущий у дороги. Но листва слабо защищала от потоков воды. Прижавшись спиной к толстому стволу, я вдруг начал улыбаться. Настроение менялось, потоки воды словно смывали тот непонятный, неприятно-тоскливый настрой, не дававший мне покоя с самого утра. Я поднял голову и закрыл глаза. Капли дождя бежали по лицу, но я не вытирал их, наслаждаясь прохладным скольжением влаги.

– Эй, журналист! – услышал я звонкий голосок, вздрогнул и открыл глаза.

К вязу подбежала парочка. Это была Лара и ее вчерашний дружок с пляжа. Он держал над их головами прозрачный, обвисший от воды дождевик. В руках

девушки болтались сандалии, ее маленькие босые ступни перепачкала мокрая земля. Мой взгляд зацепился за поблескивающие сквозь грязь розовым перламутром ноготки, но я тут же отвел его, вновь начиная смущаться. На Ларе были крохотные белые джинсовые шортики и бирюзовая шелковая майка. Намокшая тонкая ткань облепила ее тело, я четко увидел упругую небольшую грудь, торчащие соски и снова отвел глаза.

– Привет! – весело сказала Лара, вынырнула из-под укрытия дождевика и встала рядом со мной. – Дождь скоро кончится, уже видны просветы вон там!

И она махнула рукой влево, задев меня локтем. Я замер, жар разлился по телу.

– Может, пойдем? – недовольно произнес ее спутник, по-прежнему стоя возле вяза. – Чего ты тут застряла? Все равно промокли! Надо бы чаю… или чего покрепче!

– Ага, с утра и покрепче! – раздраженно бросила она. – Отстань, Стасик!

– Простудишься! – сказал он и зло на меня посмотрел.

– В такую-то жару! – рассмеялась Лара. – Дождь теплый.

Я отчего-то ощутил себя лишним, захотелось уйти. Но тут сверкнула молния, и почти сразу раздался оглушительный удар грома. Лара вскрикнула и спрятала лицо у меня на груди, крепко ко мне прижавшись. Я инстинктивно обнял ее. От ее влажных волос исходил сладкий цветочный аромат с примесью ванили. Я втянул носом воздух и замер. Стаса не испугал почти вертикальный разряд электричества, ударивший в паре метров от вяза, парень даже не шелохнулся. Его потемневшие глаза метали молнии не хуже грозовых, желваки ходили ходуном. Атмосфера все больше накалялась. Лара не шевелилась, я слышал, как колотится ее сердце.

Сильный порыв ветра взметнул дождевик над головой Стаса, парень чертыхнулся и скомкал его. Выглянуло солнце, лужи засверкали тысячами искорок. Траву, листву и даже заборы осыпало бриллиантовой пылью от заблестевшей влаги, и я обомлел от странного восторга, восхищаясь про себя этим послегрозовым, сияющим на солнце убранством. Тучи унеслись, и мир вновь стал ярким и безмятежным. Лара оторвалась от меня, легко перепрыгнула

через огромную лужу, образовавшуюся в ложбинке у подножия вяза, бросила: «Пока, журналист!», схватила Стаса за руку и потащила его по дороге. А я все никак не мог выйти из оцепенения и понимал, что со стороны выгляжу как полный дурак. Парочка удалялась, я смотрел вслед, испытывая непонятное сожаление. Лара вдруг остановилась, что-то резко сказала своему спутнику и бросилась обратно к вязу. Я вышел из столбняка, картинка залитой солнцем, бегущей по сверкающим лужам босоногой девушки была восхитительна, и я остро пожалел, что оставил фотоаппарат в номере. Лара замерла в шаге от меня и улыбнулась, ясно глядя мне в глаза.

– А ты, может, фотожурналист? – уточнила она. – Я видела у тебя там, на пляже… ну помнишь?.. какой-то крутой большущий фотик. А я давно мечтаю о профессиональной сессии… Вот и подумала, ты бы мог меня снять… за бесплатно! – весело добавила она.

– Нет, я специализируюсь на автомобилях, пишу статьи для журналов соответствующей тематики, – растерянно сообщил я.

– А?а, понятно, – сказала Лара и поскучнела. – Тебя как зовут-то?

– Диего.

– Я просто так спросила, – сказала она, резко развернулась и бросилась прочь.

– Милая… но странная, – пробормотал я и пошел в противоположную сторону, направляясь к коттеджу матери.

Волнение, возникающее при встрече с этой девушкой, схлынуло, я был недоволен собой и постарался выбросить новую знакомую из мыслей.

Когда я открыл калитку, то увидел, как мама щеткой на длинной ручке сгоняет воду с дорожки, выложенной крупной плиткой и ведущей от ворот к дому.

– Мой Диего пришел! – радостно сказала она, увидев, как я вхожу во двор. – Привет, сынок!

Мама прислонила щетку к стене дома, вытерла руки и заправила выбившиеся волнистые пряди под косынку. Ее такие же, как у меня, зеленые глаза засияли, широкая улыбка вызвала ямочки на румяных щеках, я улыбнулся в ответ и обнял ее.

– Петя рыбы наловил, – сообщила она. – Мелочовка всякая, но какой роскошный судачок попался.

Петром звали ее мужа. Он обожал рыбалку.

– Под грозу не попал? – спросил я. – Как раз со стороны Дона пришла.

– Нет, что ты! Они ж рыбачили на утренней зорьке, тихо было, а гроза только вот… Да что мы во дворе застряли! – спохватилась мама. – Сейчас я тебе свежей рыбки пожарю, знаю, как ты любишь…

Мама скрылась в доме, а я отправился на веранду. Виноград увивал ее, создавая кружевную тень внутри просторного помещения. Семейство любило здесь собираться и пить чай. Деревянный резной буфет, выглядевший, как антикварный, большой овальный стол, удобные стулья, укрытые плоскими мягкими подушками-сидушками, простые глиняные напольные вазы с букетами полевых цветов создавали атмосферу обволакивающего и расслабляющего уюта. Я любил сидеть на этой веранде.

– Привет, Диего!

Из-за стола встала девушка и расцеловалась со мной. Это была Софа, моя младшая сестра. Русоволосая, зеленоглазая, румяная, пышущая здоровьем – она уродилась точной копией мамы. Я увидел на столе большое блюдо с крупной темно-красной клубникой, рядом на тарелочке зеленели обрезанные листочки. Тут же стояла кружка с уже остывшим зеленым чаем. Возле нее лежал мобильный телефон сестры.

– Вот сколько еще клубники насобирала! – довольно сообщила Софа. – Хватит на пару банок варенья.

– Какой-то поздний сорт? – поинтересовался я и сел за стол. – Уже конец августа, и вдруг клубника!

– Можно подумать, ты такой оголтелый садовод! И знаешь сроки созревания ягод, – весело заметила она и прыснула. – Это вам не какой-нибудь джип или кабриолет, тут ты спец…

– Ты обобщила, – оживился я, – машина машине рознь. Джипы тоже разные…

– Ага, скажи еще, что на сорта делятся, как клубника! – ответила Софа и хихикнула. – Подумаешь! Просто большая тачка.

– Я недавно писал о Subaru Outback, очень крутая машина, – сказал я, не удержавшись от назидательного тона, – универсал повышенной проходимости, полный привод, четыре цилиндра оппозитного мотора…

– Ох-ох-ох, я в обмороке! – задиристо ответила сестра, сняла с блюда очень крупную ягоду и повертела ею у меня перед носом. – Сорт «Эльсиноре» от итальянских селекционеров. Мы с мамой весной высадили. Классная ягода! Противостоит нашествиям земляничного клеща, правда, может пострадать от мучнистой росы.

– Н?да, в этом ты спец… – заметил я и осекся, услышав звонкий голосок, несущийся из телефона.

– Софка, эй, ты там с кем болтаешь?

Я вздрогнул и взял гаджет. Показалось, это голос Лары, и я на миг решил, что уже начинаются галлюцинации.

– Блин, забыла громкую связь отключить. Я ж с подругой разговаривала, когда ты заявился, и одновременно клубнику чистила. Дай сюда! – сказала сестра и схватила телефон. – Ларчик, тут брат мой пришел. Давай, пока!

Она отключила связь, села напротив меня и улыбнулась.

– Кто это был? – слегка севшим от волнения голосом спросил я, взял клубнику и откусил округлый кончик.

– Это наш «Ларчик с секретом», – охотно ответила Софа. – Вообще-то Лариса, моя одноклассница, это ее прозвище.

– С секретом, значит… Такая загадочная? – упавшим голосом спросил я, понимая, что Ларе, как и моей сестре, всего шестнадцать, ведь они перешли в 11-й класс.

– Ага, загадочная, – согласилась Софа. – Вернее, непредсказуемая. Характер такой, что хочет, то и делает, и нет на нее никакой управы. Ну просто бомба замедленного действия, так и жди, когда рванет.

– Своенравная девушка, – тихо произнес я.

– Чего это ты так заинтересовался? – спросила она и с любопытством на меня посмотрела. Или уже успел познакомиться? Ларка симпатяга, но ты ж для нее слишком старый!

– Вообще-то мне двадцать два, если ты вдруг забыла, – сказал я. – Нашла старика!

– А нам по шестнадцать, если ты вдруг забыл, – в тон мне ответила Софа.

– Что-то раньше я ее не видел. Значит, она из Ростова-на-Дону? А сюда отдыхать приехала? С тобой за компанию?

– Ого, сколько вопросов! Ты точно на нее запал! – задорно произнесла Софа и отправила ягоду в рот. – Могу пригласить ее в гости прямо сейчас.

– Зачем?! Да я так просто…

– Лара только два года с нами проучилась, – перебила меня сестра. – Они с отцом переехали в Ростов откуда-то с Севера… Вроде климат там ей не подходит. Точно не знаю. А мамы у них нет. Папа ее в нашем хуторе дачу на все лето снимает. Вот мы с ней и тусим. Ладно, чего мы все про Ларку!

– Давай про тебя, – легко согласился я. – И как дела на личном фронте?

– Именно, что на фронте! – немного раздраженно ответила Софа. – Ну вот просто война полов!

– Чего? – рассмеялся я. – С кем воюешь-то?

– А, вам, парням, не понять, – отмахнулась Софа от меня и надула губы.

– Ну-ка, дочка, помоги! – раздался голос мамы, и она внесла на веранду большой поднос с дымящейся рыбой. – Моего Диего судачком угощать будем.

– Твоего-твоего, чьего же еще! – ворчливо ответила Софа и начала составлять с подноса тарелки.

Побыв у матери, я вернулся в гостевой дом за фотоаппаратом. Около семи вечера в хутор должна была прибыть колонна из шести автомобилей. Они направлялась из Воронежа в Ростов?на-Дону, там завтра пройдет выставка тюнинга в рамках фестиваля автоспорта Drift Weekend. Я решил, что для журнала, с которым я сотрудничаю, будет интересна не только съемка открытия фестиваля и выставочных площадок, но и репортаж по ходу следования одной из групп участников. Остановка в хуторе была весьма кстати для моей задачи. Я хотел поснимать ребят, взять пару интервью и, возможно, с ними же и уехать в город, попутно проведя тест-драйв какого-нибудь автомобильного раритета. Я ощущал приятное возбуждение от таких заманчивых перспектив.

В гостевом доме я первым делом воспользовался компьютером мамы и вышел в Интернет. Участники выкладывали фото и видео по ходу следования машин на страничке сообщества в Фейсбуке. Я определился с местонахождением колонны, понял, что они прибудут через пару часов. Автолюбители решили остановиться на ночлег на северной окраине хутора на берегу реки и уже завтра на рассвете отправиться в Ростов?на-Дону. Это меня обрадовало, я предвкушал интересные снимки при разном освещении.

На место я прибыл, когда автолюбители уже разбили лагерь. Они приехали раньше, что меня немного раздосадовало. Хотелось снять, как колонна приближается. Я заметил несколько профессиональных, судя по техническому оснащению, фотографов, и это окончательно испортило настроение. Мне

хотелось быть единственным, снявшим участников на хуторе. Я только окончил университет (Complutense University of Madrid), получил степень бакалавра, был полон азарта, амбиций и мечтал стать топовым журналистом, пишущим об автомобилях. С третьего курса я уже сотрудничал как внештатник с парой испанских журналов этой тематики, а около года назад начал работу еще и с российским изданием. Испанский и русский для меня, как я уже писал выше, два родных языка, и это упрощало задачу.

Я обозрел местность, прикинул ракурсы, с которых лучше всего снимать, и направился к группе парней. Болтающийся на груди, внушительный NIKON D300 был словно моей визитной карточкой. И правда, ребята сразу поняли, что я профи. Мы познакомились, пожали друг другу руки. Я решил времени зря не терять. Солнце уже клонилось к горизонту, но освещение было достаточно ярким. Я обратил внимание на одну из машин, выделяющуюся неординарной, ядовито-кислотной аэрографией. Владелец выглядел под стать машине – неформал с разноцветными короткими дредами, пирсингом и татуировками. Я мгновенно ощутил творческий зуд от картинки, захотелось немедленно снимать такого колоритного персонажа. Звали его Василь. Он охотно согласился и позировал вполне профессионально и возле авто, и внутри, сидя за рулем и глядя в камеру. Сделав серию фотографий, я включил диктофон и начал разговор. Как оказалось, предстоящий Drift Weekend соберет опытных пилотов. Василь в прошлом году выиграл кубок Черноземья в Воронеже как в парных заездах, так и в командном зачете. И сейчас также был настроен на победу.

– Мы – сильнейшая команда! – с гордостью заявил он. – И завтра покажем класс!

– Первый день фестиваля – это… – четко проговорил я и глянул вопросительно на респондента.

– …Это автошоу, дрифт, тюнинг, стайлинг, автозвук и много еще чего интересного, – без запинки продолжил Василь. – Кстати, в конце дня будет устроено своего рода дрифт-такси.

– Да, это круто, – добавил я, видя, что парень замолчал и смотрит куда-то влево.

Я глянул туда же и заметил в паре метров от нас девушку. Она присела и завязывала шнурок кроссовки. Ее короткая юбочка задралась, обнажив часть бедра и демонстрируя узкую красную полоску трусиков.

– И как это будет выглядеть? – громко произнес я, вернув пилота «на землю».

– А? – спросил он, повернувшись ко мне.

– Дрифт-такси, – напомнил я.

– Пилоты на специальных спорткарах предоставят каждому возможность прочувствовать на своей шкуре острые ощущения от управляемого заноса! – горделиво заявил он.

– Как вы обычно говорите? – с улыбкой уточнил я, решив сбить его пафосный настрой. – «Валить боком»?

– Устойчивое выражение в нашей среде, – уже нормальным голосом ответил Василь и заулыбался.

– А что такое дрифт? – продолжил я интервью.

– Это длительное ведение автомобиля в управляемом заносе, короче – «валить боком». Но, кажется, мы повторяемся, – добавил он и довольно ехидно на меня посмотрел.

– А что такое бернаут? – спросил я, не обращая внимания на колкое замечание.

– По сути, это пробуксовка на месте, способ убить и пожечь резину. И пустить облака, что так любят зрители. Им бы дыма побольше и погуще, – охотно ответил Василь. – Бернаут намного проще делать на мощных автомобилях, но если такого нет, то можно обуть старую лысую резину. Эффект обеспечен. Поставил на ручник, раскрутил двигатель и на первой передаче стоишь и дымишь… Вау, какая малышка! – другим тоном сказал он, глядя вправо.

Я машинально посмотрел туда же и вздрогнул. Две девушки появились на площадке. Одна бросилась на шею высокому худому парню, стоящему у KIA Picanto, корейской «Нивы», разукрашенной по бокам рвущимися языками пламени, вторая медленно двинулась в нашу сторону. Это была Лара. Ее легкий и чрезмерно короткий белый сарафан казался удлиненной свободной майкой и совершенно ничего не скрывал. Красные плетеные босоножки без каблука и

такого же цвета сумочка, модель сложенных губ, висящая через плечо, выглядели кричащими акцентами. Дополнял картину небрежно сплетенный венок из голубых незабудок, сползший на правое ухо. Краем глаза я заметил, что на девушку обращают внимание. Парни переглядывались и даже присвистывали, и мне это отчего-то было неприятно.

Лара подошла к нам с Василем.

– Крутой рисунок, – заметила она и провела пальцем по линии кислотных фантастических узоров на правом боку машины.

– Спасибо, – ответил парень и слегка покраснел.

– Ты нас не представишь? – спросила она меня и мило улыбнулась.

– С какой стати?! – изумился я. – Мы вообще-то с тобой незнакомы.

– Да ладно тебе! – задорно ответила Лара, прищурилась и перевела взгляд на Василя.

Лучи уже низкого солнца упали на ее отвернутую от меня щеку, позолотили пушистые ресницы, обвели тонкий изящный профиль солнечной линией. Я замер, преодолевая желание поднять фотоаппарат.

– А я и сам представлюсь! – весело заявил парень и протянул руку. – Меня зовут Василь… Для тебя, красотка, Василек, – добавил он и широко улыбнулся.

– Лариса, – сказала она. – Мне очень приятно.

– Томку, твою подружку, я знаю, – продолжил он более уверенно. – Она девушка нашего командира Ромы.

– Вы все вроде бы из Воронежа, – заметил я, глядя на беспрерывно целующуюся парочку, практически лежащую на капоте KIA.

– Ага, – подтвердил Василь, – но в прошлом году мы вот так же приехали в Ростов на автофест…

– А потом было ночное пати, – встряла Лара, – и мы классно отрывались. Томка и познакомилась с Ромчиком, а я с Валерой. До утра тусили.

– Прошлым летом? – изумился я. – Тебе ведь было только пятнадцать!

– Пятнадцать?! – не меньше моего удивился Василь. – Жесть какая! Ладно, мне тут нужно кое-что в моторе глянуть, – поскучневшим тоном добавил он. – Я тебе больше не нужен? – обратился он ко мне.

– Нет, все отлично! И спасибо! – торопливо ответил я. – Если нужно, то текст интервью пришлю. Хочу предложить материал одному российскому изданию. Да пока не знаю, заинтересует ли это моего редактора.

– Не-а, не надо ничего присылать, – отмахнулся Василь. – Печатай, как считаешь нужным.

– Я завтра тоже поеду в Ростов, буду еще снимать, – сказал я, намереваясь попросить его подвезти.

– Дело твое, – нехотя ответил он и поднял капот.

– Ладно, еще увидимся, – сказал я, взял Лару за руку и отвел на берег реки.

Солнце катилось к горизонту, красноватое облако пушилось у кромки далекого леса и казалось диковинным пышным цветком. Река, будто бы подсвеченная изнутри, заиграла алыми бликами. Я уселся на толстое бревно, лежащее на берегу под развесистыми ветками ивы, и снял фотоаппарат с шеи. Лара скинула босоножки и начала медленно бродить по кромке воды. Я сделал несколько пейзажных снимков. И, не удержавшись, навел объектив на девушку. Лара остановилась и развернулась ко мне. Мне показалось, что она решила позировать, и я невольно поморщился. Терпеть не могу, когда люди принимают, как им кажется, эффектные позы, чтобы красиво получиться на фотографиях. Почти все девушки непременно упирают руку в бедро и выставляют плечо вперед. А уж эти выпяченные, сложенные «бантиком» губы, томно прикрытые глаза буквально выводят из себя. Видимо, поэтому я предпочел фотографировать автомобили, у меня просто терпения не хватает снимать людей. Но Лара и не собиралась позировать. Она остановилась и вытянулась

буквально в струнку, словно кого-то высматривала в лагере. И тут же бросилась ко мне. Она села рядом. Я невольно оглянулся. Но мы были укрыты ветвями ивы, росшей позади бревна, и с берега нас вряд ли можно было заметить.

– Ты прячешься от кого-то? – предположил я. – От этого самого Валеры? Он все еще в команде?

Лара повернулась ко мне и внимательно посмотрела в глаза. Ее тонкое лицо с персиковой от загара кожей было без каких-либо следов косметики, и это мне безумно нравилось. Светлые брови и ресницы, ясные голубые глаза, приоткрытые розовые губы… Я видел совсем юную девчушку, но это моментально отрезвило меня, напомнив, сколько ей лет. Мечтательное настроение, в которое я невольно впал от присутствия рядом эфемерного и казавшегося мне неземным создания, резко изменилось. Я хмуро глянул на девушку и сухо спросил:

– Итак, зачем ты здесь? Может, тебе пора домой?

– Томка останется, – тихо ответила она. – На заре ребята отправятся в Ростов…

– Ей тоже шестнадцать? – уточнил я.

– Слушай, чего ты привязался к возрасту?! – вспылила она. – Нет, ей на два года больше, чем мне. И мы тусим только здесь… Папа дачу на все лето снимает на этом хуторе. А Томка учится в ростовском техникуме, кажется, машиностроительном, я так-то с ней и не общаюсь.

– А ее парень в Воронеже…

– А что тут такого? – зло спросила Лара и пожала плечами. – У них вообще-то любовь. Чего ты, как старый дед, заладил: пятнадцать, шестнадцать… Если хочешь знать, я только из-за тебя сюда притащилась… Ну и с Томкой, конечно, за компанию.

– Из-за меня? – чуть охрипшим голосом спросил я.

Ладони вспотели, тенниска прилипла к спине, сердце куда-то ухнуло. Но мне стало неприятно, хотелось уйти и освободиться от этого странного и сильного волнения.

– Ди, ты мне сразу понравился, – сказала Лара. – Ты такой красавчик! А тут еще Софа рассказала, что ты про меня расспрашивал. Вот я и решила, что ты мной интересуешься.

– Это моя сестра доложила, где меня искать? – уточнил я, хотя и так было понятно, откуда «ветер дует».

– Ну не ругай ее, – протянула она и состроила умильную гримасу. – Ну, Ди!

– Что еще за Ди? – раздраженно бросил я.

– Знаю, что Диего, но так прикольнее, – пояснила она и вздохнула. – Есть же у тебя уменьшительное имя!

Я смотрел на ее нежное лицо, на цветочный веночек, сползший набок, на сверкающую в мочке капельку сережки, на золотистые пряди, рассыпавшиеся по худеньким плечам, на глубокий вырез майки-сарафана, едва прикрывающий маленькую, упругую грудь, на голые коленки и босые ступни, и сам себе повторял и повторял: «Нет! Нет! Нельзя давать своим чувствам волю! Это подросток».

К двадцати двум годам я хорошо изучил свой характер. Вспыльчивый, но отходчивый, влюбчивый и пылкий, я иногда пытался обуздывать бурные эмоции, но чаще всего плыл по течению и полностью отдавался страстям. Увлекался я мгновенно, но, увы, так же быстро разочаровывался в своей избраннице. А ведь обычно клялся и себе, и ей в «любви навек» и что «только смерть разлучит нас». И верил в это. Но самый мой долгий роман длился три месяца. У меня нет личных предпочтений и своего типажа, как у многих парней. По сути, мне все равно, блондинка или брюнетка, с большой грудью или совсем плоской, с ногами «от ушей» или обычными. Пухлые губы, как у Джоли, особо выдающаяся часть тела Джей Ло – я не сравнивал, общепризнанные стандарты были скучны, я всегда искал в девушке «изюминку». Именно она вызывала интерес и притягивала. И пресловутая «искра» довершала дело. Если между мной и девушкой она пробегала и наэлектризовывала нас обоих, то я уже не раздумывал, а отдавался

чувству и развивал роман стремительно. Девушки охотно шли мне навстречу, в их глазах – и не одна говорила это – я был «лакомым кусочком», настоящим «мачо», альфа-самцом и т. д. Хотя я никогда не стремился к подобному имиджу. Я такой, какой есть. Но могу признать, что природа внешностью меня не обидела. От испанца-отца я унаследовал черные, густые, слегка вьющиеся волосы, от матери – зеленые глаза. При смуглой коже это выглядит эффектно. Мне несколько раз предлагали поработать моделью, и я снимался, но только за рулем элитных машин. Рекламировать одежду или уж тем более нижнее белье – это не мое.

И вот встреча с Ларой. Искра пробежала сразу, в этом я не мог ошибиться. Мало того, непонятное и вынимающее душу волнение постоянно туманило мой разум при виде этой девушки-подростка. Была в ней какая-то странность, что-то неуловимое, словно Лара присутствовала здесь и сейчас, но одновременно была где-то далеко. Это взвинчивало, хотелось поймать «добычу», взять в плен и не отпускать никуда и никогда. Но она ускользала. Нет, физически Лара была рядом, но ее эфемерность, хрупкость, какая-то бесплотность, по-другому определить не могу, вызывали трепет на уровне подсознания. И чисто мужской порыв «добыть трофей» сменялся желанием защитить этого милого и неприспособленного к жизни птенчика и взять его «под крыло». И сейчас, когда Лара сидела рядом, я ощущал именно потребность опекать, как курица-наседка.

«Все дело именно в том, что она так юна, – размышлял я, глядя на ее опущенное лицо, на светлую прядь, упавшую вдоль зарозовевшей щеки. – Это же совсем ребенок. Мне лучше немедленно уйти и до отъезда с ней не видеться».

Но при одной мысли, что это прекрасное создание навсегда исчезнет из моей жизни, у меня так сильно сжалось сердце, что слезы навернулись на глаза. Проявленная слабость жутко разозлила и привела в чувство.

– Давай я тебя домой провожу, – сухо предложил я. – Поздно. Солнце уже село. Твои родители будут волноваться.

Лара повернула ко мне лицо, ее голубые глаза потемнели и казались наполненными бездонной синевой.

– А ты потом сюда вернешься? – уточнила она.

– Вообще-то я хотел поснимать авто при ночном освещении, – сказал я. – А вот тебе тут ночью делать нечего.

– Ага, как же! – зло кинула она. – Тебя забыла спросить! Сейчас самый угар начнется, ночное пати всегда просто супер. А я хочу веселиться! – капризно добавила она.

– Ты еще несовершеннолетняя, – тихо заметил я.

– И что?! – с вызовом ответила она. – Мой возраст помешает мне наслаждаться жизнью? Ошибаешься! Я живу на полную катушку, мой девиз: «Здесь и сейчас». Запомни, мой милый Ди, я всегда делаю только то, что хочу.

– Тут полно горячих парней, – сурово произнес я. – Лучше не дразнить их. А ты такая красотка, по определению того же Василя.

– Спасибо, – не меняя интонации, сказала Лара. – Но ты, хоть и журналист, чего-то точно недопонимаешь.

– Просвети, – предложил я.

– Все автогонщики просто жить не могут без адреналина, – назидательным тоном продолжила она. – Это типа зависимости. Уверена, для них получать все новые и новые выбросы адреналина важнее всего. А девушки в этом плане не идут ни в какое сравнение с гонками, и они всегда на втором месте.

Я удивился таким рассуждениям. Не думал, что Лара копает так глубоко.

– Но ведь твоя подружка Томка и ее приятель сильно влюблены, ты сама говорила… – начал я. – Или она тоже остается на втором месте?

– Забей! – другим тоном ответила она. – У них влечение, подогретое расстоянием. И вообще мне надоело обсуждать всякую ерунду!

Лара вскочила и стянула сарафан через голову. Венок упал на песок, но девушка не обратила на это никакого внимания. Я зачем-то поднял смятые незабудки и замер, не в силах оторвать взгляд от Лары. Тоненькие бирюзовые трусики-

стринги ничего не скрывали. Я перевел взгляд на обнаженную грудь. Соски оказались очень крупными, они сжались и напоминали темные ягоды малины. Я с трудом сдержался, чтобы не схватить девушку и не попробовать на вкус эти «ягоды». Желание накатило, мне было трудно дышать. Лара как ни в чем не бывало раскрыла сумочку и вынула верхнюю часть купальника. Она быстро натянула крохотный бюстгальтер, завязала тесемочки на шее и с вызовом на меня посмотрела.

– Чего сидим? – спросила она. – Не видишь, нужно помочь. Завяжи на спине!

И она развернулась. Я дрожащими пальцами начал завязывать тесемки, но это была настоящая пытка. Разум туманился, хотелось прижать девушку к себе. И я с трудом себя контролировал.

– Готово, – глухо сказал я, соорудив бантик из тесемок.

– Наконец-то! – ответила Лара. – Смотри, как тихо. Вода сейчас – парное молоко. Давай поплаваем! Раздевайся.

– Я не взял купальные плавки… – тихо сообщил я, все еще не избавившись от плотских желаний и с трудом преодолевая дискомфорт внизу живота. – Как-то не планировал…

– Но трусы-то имеются. Или ты ходишь, как рок-звезда, вообще без белья? – предположила она, округлив глаза и прыснув.

– ?Oh, Dios m?o! – в волнении перешел я на испанский, но тут же вернулся в реальность. – Откуда тебе знать, что носят рок-звезды?!

– Чего ты так взвился? – ласково спросила Лара и мило улыбнулась. – Не волнуйся, я никогда не была «группен» и с рок-звездами не путешествовала. Так… из фильмов почерпнула сведения. Что тут такого?

Она рассмеялась и побежала к реке. Разлетевшиеся брызги от ее прыжка в воду показались мне багровыми каплями крови. Я схватил фотоаппарат.

Но в этот момент на берегу показался невысокий мужчина средних лет. Он всмотрелся в воду, затем увидел меня.

– Лариса! Немедленно вылезай! – грозно закричал он и двинулся ко мне. – А с тобой, мерзавец, я сейчас поговорю!

Девушка не обратила на крик никакого внимания и быстро поплыла, рассекая сильными взмахами алую, подкрашенную закатом воду. Мужчина подбежал ко мне. Его лицо побагровело, пот струился по лбу, капал с кончика короткого носа. Дышал незнакомец тяжело, я на миг испугался, что его хватит удар, и вынул из рюкзака бутылку воды.

– Успокойтесь, – увещевающим тоном произнес я и протянул ему бутылку. – Попейте.

Он возражать не стал, сделал пару глотков, вытащил носовой платок из кармана брюк и вытер лицо и шею. Затем поднял с песка сарафан, опустился на бревно и устремил взгляд на плывущую девушку.

– Вы, наверное, отец Лары? – предположил я.

– Именно! – вышел он из оцепенения и развернулся ко мне. – А вот ты кто такой?

– Меня зовут Диего, – ответил я и зачем-то сообщил, кто моя мать.

– Ага, испанский сынок Ирины Валерьевны…

Я молча кивнул.

– Анатолий Степанович, – после паузы представился он. – Значит, это твоя сестра учится с Ларкой в одном классе? Они ж закадычные подружки. Да вот что-то Софу я здесь не вижу, – злобно добавил он. – Зато ее великовозрастный братец в компании моей несовершеннолетней дочки. Тебе лет-то сколько?

– Десятого ноября будет двадцать три, – ответил я и удивился, к чему сообщаю такие подробности.

– А моей Ларе двенадцатого ноября будет только семнадцать… Надо же, у вас дни рождения почти рядом, – тише добавил он. – Но дочке об этом лучше не знать. А то воспримет как какой-нибудь особый знак. Она у меня такая… Так что между вами? – напрямую спросил он и пристально на меня посмотрел.

Я видел, как сильно мужчина волнуется, зрачки расширились, на лбу снова выступили крупные капли пота.

– Успокойтесь, Анатолий Степанович, – сказал я, – между нами нет ничего такого. Я вашу дочь вижу всего лишь второй раз. Она пришла сюда с подругой…

– Так твоя сестра тоже здесь? – оживился он и даже начал улыбаться.

– Нет, нет, что вы! Ее бы мама не отпустила… Лара составила компанию некой Томе. А Софа дома.

– Вот-вот, мама бы точно не отпустила, – тихо проговорил он и вдруг уткнул лицо в ладони.

Мне показалось, что он всхлипнул, я растерялся, ощущая определенное неудобство и не зная, что делать. Захотелось просто уйти.

Анатолий Степанович поднял голову и вновь начал смотреть, как плавает дочь. Я стоял рядом и молчал. Неловкость нарастала.

– Ладно, парень, не серчай, – после паузы более спокойным тоном сказал он. – Ты вроде нормальный, да и взрослый уже, не причинишь вреда моей девочке…

– И в мыслях не было! – быстро ответил я. – К тому же, если честно, Лара сама проявляет инициативу.

– Да, она такая, – легко согласился он и вздохнул. – Никакого сладу нет с этой девчонкой! Была бы ее мама жива… Хотя что толку… – тихо добавил он. – Линда умерла, осталась у меня только Ларочка. И за что мне такие несчастья?! – с горечью спросил он, глядя вдаль.

– Все будет хорошо, – растерянно сказал я. – У вас чудесная дочурка, подрастет, выйдет замуж, нарожает вам кучу внуков…

– Ты просто не понимаешь, о чем сейчас говоришь, – глухо ответил он и встал. – Прости, но тебе лучше уйти.

– Да-да, конечно, – торопливо проговорил я, упаковал фотоаппарат в чехол, закинул рюкзак на плечо и ушел не прощаясь.

«Черт дернул связаться с этой малолеткой! – ругался я про себя, пока шел к отелю. – Такие проблемы мне не нужны. Хорошо, что скоро уезжаю, и забуду об этой истории навсегда».

Но когда я приблизился к воротам, то вдруг понял, что в моей ладони все еще зажата веточка незабудки, выпавшая из брошенного веночка. Я сильно удивился своей рассеянности, зачем-то втянул носом аромат смятых лепестков. Цветы пахли слабо, тонкой свежестью влажного растения. Я подумал, что волосы, кожа Лары источают такой же едва уловимый аромат чистоты, но тут же заставил себя отогнать эти мысли.

«Незабудки… – метались мысли. – Это намек? Но нет! Забыть, забыть навсегда об этой девчонке, – строго сказал я себе. – Она не для меня».

Но оказалось, что избавиться от моей новой знакомой не так-то просто. Я планировал пробыть на хуторе еще неделю, затем съездить в Москву, повидаться с редактором журнала, с которым сотрудничаю, и отправиться в Питер. Там жила моя сестра Вера. Она перешла на второй курс судостроительного института, год назад выскочила замуж за одногруппника и, к огромному огорчению родителей, в Ростов возвращаться не собиралась. В начале сентября в Питере должна была пройти выставка ретроавтомобилей. Я хотел совместить приятное с приятным – повидаться с сестрой и поснимать раритеты. А пока решил наслаждаться ничегонеделанием, просто гулять, плавать, но выбирать те места, где я не смогу столкнуться с Ларисой. Из-за этого я даже не поехал в Ростов на Drift Weekend, решив, что собранного вечером материала будет достаточно для небольшой статьи. Я утром отсмотрел фотографии, отредактировал интервью с Василем и остался доволен. Было что предложить российскому изданию. В те времена – а я сейчас пишу о 2009?м – не было таких продвинутых во всех смыслах гаджетов, как сейчас. Не было и

такого распространения Интернета. Мне повезло, что у матери стоял компьютер в кабинете и была проведена Сеть. Для ее бизнеса это являлось хорошим подспорьем. И я, как обычно, воспользовался возможностью и уже во второй половине дня отослал по электронной почте подготовленный материал. Мой редактор Павел ответил быстро и положительно, что меня, само собой, обрадовало.

Но даже освободившись от срочной работы, я не пошел гулять, а остался в номере. Хутор был небольшим, и мне не хотелось рисковать. Уже казалось, что Лара не поехала на открытие фестиваля, как планировала, а осталась в Арпачине и появится именно там, куда я приду. Я налил полбокала домашнего белого вина, улегся на диванчик и включил телевизор. Попал на местный канал и тут же увидел репортаж с Drift Weekend. Девушка-корреспондент ходила по выставке тюнингованных автомобилей, опрашивала пилотов, садилась за руль некоторых машин. Я начал ругать себя, что поддался непонятным настроениям и не отправился на шоу. Все выглядело аппетитно для любого журналиста. А красивые девушки, как непременный атрибут подобных мероприятий, постоянно попадали в кадр и вызывали во мне еще большее раздражение, ведь и я мог бы быть там и не только любоваться всем происходящим, но и фотографировать.

«Ну я и дурак! – размышлял я, наблюдая, как в кадре появилась широко улыбающаяся рыжеволосая красавица. – Какая конфетка! Но, как известно, ростовчанки самые красивые…»

Девушка выгнула бедро, позируя возле раскрашенного во все цвета радуги Subaru WRX Sti.

– Что такое вообще «джимхана»? Не что иное, как фигурное вождение, – вещала корреспондент, пытаясь вытеснить из кадра рыжеволосую. – Подобное есть в японском автоспорте, но изначально джимхана не предполагает высоких скоростей, соревнования проводят на небольших асфальтированных площадках. Цель пилота – хорошо запомнить трассу, которая изобилует поворотами, змейками, разворотами и даже движением задним ходом.

Быстро проговорив заученный текст, корреспондент довольно зло посмотрела на рыжеволосую девушку, по-прежнему стоящую возле авто. Я невольно заулыбался, понимая, что оператор дал маху, не в силах отвести камеру от такой красоты и так и не переключившись полностью на коллегу-телевизионщицу. А ведь это был прямой эфир.

– Вы пилот этой машины? – нашлась корреспондент и поднесла микрофон к пухлым алым губам красотки.

Но та молчала, как воды в рот набрала. Корреспондент не смогла сдержать ехидной улыбки и весело сообщила, что, как правило, в таких шоу участвуют самые красивые девушки города.

– Да! – вышла из столбняка рыжеволосая. – Я, кстати, вице-мисс Ростов…

– Прекрасно! – оборвала ее корреспондент и быстро перешла к следующей машине. – Но это несколько другой конкурс.

Я расхохотался, это было так непрофессионально, но мило и искренне.

Оператор взял в кадр Nissan Silvia, корреспондент быстро продолжила, встав возле машины:

– Историю дрифта в России можно разделить на два периода. Первый – это любительские нелегальные покатушки. Несколько энтузиастов находили площадку, чаще всего парковку у торгового центра, и тренировались. Но уровень дрифта был низким. И вот в позапрошлом году начался новый период его истории в нашей стране – в рамках шоу Japfest состоялось показательное выступление «Формулы Дрифт»… А вот и пилот! – радостно возвестила она и уступила место светловолосому парню. – Представьтесь, пожалуйста… Очень приятно, Леонид. Чем отличается машина для дрифта от обычной?

– Салон максимально облегчен, – охотно ответил пилот. – Каждый старается затюнинговать своего боевого коня по мере возможности: кузовные детали заменяют на карбоновые, двигатель дорабатывается, чтобы увеличить крутящий момент…

– Девушка, выйдите из кадра! – другим тоном сказала корреспондент, но продолжала заученно улыбаться.

Я поперхнулся вином, увидев широко улыбающуюся Лару, сунувшую лицо прямо в камеру.

– Привет, малышка! – весело произнес Леонид и обнял девушку за плечи. – Ты же отказалась приехать на площадку.

– Да вот взяла и передумала, – быстро ответила она.

– Это ваша девушка? – решила сменить гнев на милость корреспондент.

Видимо, поняла, что без «красоток» прямой эфир провести не удастся.

– Все еще надеюсь, – с улыбкой проговорил Леонид.

Я замер – на вид пилоту было около тридцати. Кровь бросилась в голову.

«Чертовка! – метались мысли. – Что она о себе возомнила? Что может крутить с любым? И где ее нервный папаша?»

– Мы встречались пару недель, – как ни в чем не бывало ответила Лара и прижалась к парню. – Но затем расстались. Вы же понимаете, что быть подружкой гонщика не всегда приятно.

– О, а это уже интересно, – оживилась корреспондент и переключила внимание на Лару.

Я затаил дыхание, глядя на ее раскрасневшееся лицо, на озорные глаза, казавшиеся на экране телевизора ярко-синими.

– Так в чем же опасность? – спросила корреспондент.

– А вы будто сами не понимаете! – с усмешкой ответила Лара. – Мало того, что они все адреналинщики, влюблены исключительно в свои тачки и все свободное время отдают только им, так еще и девушки постоянно вокруг вьются… Мне это не подходит, хотя я люблю драйв. Но ищу верного и любящего только меня! – задорно добавила она. – Кстати, а вы тут не видели одного журналиста? Симпатяга такой, трудно не заметить… зовут Диего, – добавила она и посмотрела прямо в камеру.

У меня потемнело в глазах.

– Нет, не видела! – раздраженно ответила корреспондент. – Извините, мне нужно продолжить эфир.

Кадр уехал в сторону, Лара пропала с экрана.

Я выключил телевизор и глотнул вина. В голове засело только одно «послание» Лары: «Ищу верного и любящего только меня». Неужели она сказала это в надежде, что я услышу? Но судя по крутящимся возле нее поклонникам, вниманием девушка обделена не была. За несколько дней я узнал по крайней мере о трех: Стасе, Валере и Леониде. А ведь ей всего шестнадцать. Неприятная мысль о ее, возможно, сексуальной неразборчивости не давала мне покоя. Но ведь я решил держаться от этой девушки как можно дальше, и в принципе мне не должно быть никакого дела до ее интимной жизни.

Следующие три дня я провел в полном одиночестве, с утра гулял, после обеда заваливался на диван с книжкой, ближе к вечеру уходил на край хутора на довольно пустынный пляж, укрытый со всех сторон развесистыми ивами. Я плавал, лежал на теплом песке, бездумно глядя в небо, часто дожидался заката и фотографировал волшебно меняющиеся краски горизонта и воды. И постепенно мое настроение выровнялось, гармония заполнила душу, я уже без волнения вспоминал Лару, будто эта девушка отошла в прошлое. Я перестал видеть внутренним взором ее нежный хрупкий облик, меня уже ничто не тревожило. Я выздоровел и был рад этому. И решил «выйти в реальность» и отправиться к маме в гости. Хотелось побыть в кругу родных, пообщаться, выпить вина, тем более я уезжал через несколько дней.

Я появился у мамы под вечер, и едва вошел на террасу, как сразу увидел ряды банок с домашними заготовками, выставленные на стол. Мама и Софа о чем-то весело переговаривались, протирая бока банок.

– Привет, – растерянно сказал я, обозревая «стратегический запас» и понимая, к чему эта выставка солений, варений и маринадов.

– Дорогой мой Диего, – радостно начала мама, расцеловавшись со мной и усаживаясь за стол, – вот подготовили и для тебя, и для Верочки. Ты же после Москвы в Питер заглянешь. Правильно я поняла твои планы?

Софа глянула на мое недовольное лицо, рассмеялась и сказала, что сходит на кухню и проверит пирог. Она подмигнула мне и удалилась. Я опустился на стул напротив мамы и вздохнул. Каждый мой приезд к ней заканчивался именно таким образом: меня нагружали банками с домашними заготовками, не внимая никаким доводам рассудка. Нет, все это было чрезвычайно вкусно, но тащить на себе десяток килограммов груза в Испанию казалось не совсем удобным, и часто я оставлял мамины подношения у российских друзей. Мама, конечно, об этом не знала, не хотелось обижать ее.

– Как там милый Теодор? – вежливым тоном осведомилась она.

– Да все так же, – вяло ответил я.

– Рисует? – продолжила мама расспросы.

Я понимал, что она интересуется моим отцом и своим бывшим мужем без всякой цели и, скорей всего, просто хочет сделать мне приятное.

– Пишет картины, – поправил я.

– Ну-ну, – более оживленно сказала мама, – картины, значит. Тео не меняется… Надо же, такую мазню еще и картинами называет!

– Это не мазня, а современное искусство, поп-арт, если тебе это о чем-то говорит, – начиная раздражаться, заметил я.

– Именно, что поп! – недовольно проговорила мама и начала яростно тереть тряпочкой ближайшую к ней банку с вишневым вареньем. – А ведь по образованию экономист! Отличная профессия, куда угодно можно устроиться. Нет, запритчилось ему стать художником… от слова «худо»!

– Привет! – раздалось позади меня, и я так напрягся, узнав голосок Лары, что ощутил, как каменеет затылок и кровь гулко бьет в виски.

– А, Лариса! – оживилась мама. – Добрый вечер!

Я понимал, что она обрадовалась возможности прекратить раздражающий нас обоих разговор.

– Присаживайся, – предложила мама. – Софа сейчас придет. С Диего ты знакома?

– Знакома, – еле слышно ответила Лара и села рядом с мамой напротив меня. – Давайте я вам помогу, – предложила она и взяла со стола влажную губку.

– Ну что ты, детонька! – остановила ее мама. – Еще не хватало! Да и сделали мы уже все.

Мама быстро вытерла стол и аккуратно повесила тряпочку на перила веранды.

Я сидел будто в столбняке. Мое с таким трудом достигнутое душевное равновесие мгновенно рассыпалось на тысячи раздражающих уколов волнения, страха, восторга и счастья. Я смотрел на девушку – она была как раз напротив, и сзади ее заливало низкое вечернее солнце – и не мог налюбоваться ее светящимися золотом прядями, тонким овалом лица, глубокими глазами, затаенной улыбкой. Лара выглядела словно ангел, спустившийся с небес. Именно это избитое сравнение подходило к ней идеально. Девушка, казалось, была осыпана солнечной пыльцой. И тут резко распахнулась дверь, вошла Софа с большим подносом в руках. Сильный сквозняк пронесся по веранде, и легкие пряди волос Лары на миг взлетели над ее плечами и стали похожи на золотые пушистые крылышки. Это было так прекрасно, что у меня перехватило дыхание.

– А, пирог! – оживленно сказала мама и начала помогать составлять посуду с подноса.

Но ни я, ни Лара не пошевелились, глядя друг на друга. И это были не пробегающие между нами искорки, а настоящие разряды электричества сродни сильным молниям. Я глупо удивлялся, что ни мама, ни Софа их не замечают.

– Чай? – уточнила мама у Лары. – Мой Диего предпочитает кофе.

– А? – вышла из оцепенения девушка.

– Чай будешь? – весело спросила Софа и отчего-то прыснула.

Я пришел в себя и постарался вести себя непринужденно. Изменил позу, сел, слегка развалившись, расслабил плечи и приподнял уголки губ.

– Пирог получился вкуснейшим, – довольно заявила мама, нарезая выпечку большими ломтями.

– Яблочный, – добавила Софа, глядя на подружку. – Ты такие любишь, – добавила она и положила на тарелку треугольный кусок пирога.

– Спасибо, – тихо сказала Лара, пододвигая к себе угощение. – Жаль, я не умею так печь.

– Еще бы! – ответила мама. – Кто ж тебя этому научит… Ой, прости, дорогая!

Она на секунду прижала голову девушки к себе и чмокнула ее в макушку.

– Ничего, я привыкла, – прошептала Лара и опустила взгляд.

Софа разлила ароматно пахнущий чай и села рядом со мной.

– Тетя Ира, ваш сын, видно, не в курсе моих семейных дел, – вдруг сказала Лара и посмотрела мне в глаза.

– Ну что ты, детонька, не надо, – быстро проговорила мама. – Да и незачем моему Диего знать…

– Из родных у меня только папа, – после паузы сообщила Лара, хотя ее никто и ни о чем не спрашивал. – Ну ты с ним уже познакомился… Просто я хотела извиниться за тот случай у реки, – тихо продолжила она. – Папа постоянно очень взвинченный, волнуется из-за меня.

– Вот даже как! – растерянно произнесла мама и строго на меня посмотрела. – Дорогой, ты что-то от нас скрываешь?

– С чего ты взяла? – нарочито спокойным тоном ответил я. – Рассказывал же и тебе, и Софе, что хочу поснимать автогонщиков, они ночевали на хуторе. Вечером и отправился, сделал материал для издания, его уже приняли. Фото и

интервью, как обычно. Там случайно встретил Лару…

– Я с Томкой была, – зачем-то сообщила она.

– Мы сидели у речки, болтали ни о чем, тут появился крайне раздраженный мужчина. Оказалось, что это отец Лары. Я с ним перекинулся парой слов и ушел. Вот и все, – быстро проговорил я.

Но мне не понравилось, как остро глянула на меня мама. Будто буравчиком в мозг проникла. Я всегда подозревал, что матери умеют читать мысли своих детей, но ловко скрывают это.

– Значит, у тебя только папа? – спросил я Лару, пытаясь перевести разговор в другое русло и этим сбить мамин «телепатический радар».

– Бедная девочка, – попалась она на мою уловку и тяжко вздохнула.

– Да, у меня больше никого нет, – ответила Лара. – Мы жили в Норильске, родом оттуда вся семья, только мама из Прибалтики. Бабушки, дедушки все поумирали, а два года назад и мама… Какое-то редкое неизученное генетическое заболевание, так доктора говорили… Вот папа и решил перебраться с Севера в теплые края. И нам тут очень хорошо.

– Вот и славно! – ободряюще проговорила мама. – У нас край прекрасный, ты тут будешь всегда здоровенькой на витаминах-то и на таком солнышке. И папа твой тоже!

Мы замолчали. Пауза показалась мне затянувшейся и неприятной.

– Как пирог? – осведомилась мама.

– Очень вкусный! – хором ответили мы.

Я украдкой глянул на Лару и встретился с ней взглядом. Она тоже смотрела на меня, и сердце вновь начало колотиться, нагоняя ненужное волнение.

«Нет, нет, нет, – повторял я про себя. – Не поддаваться эмоциям. Забыть. Скоро уеду!»

Но внутри все таяло, и держать себя в узде было крайне трудно.

До отъезда я старательно избегал встреч с Ларой. Но она не проявляла никакой инициативы, больше я ее не видел.

Глава вторая

«Любовь живет три года»

Я вернулся в Валенсию. Жизнь вошла в привычную колею. Мы часто созванивались с мамой, она постоянно звала в гости, но у меня все время находились какие-то неотложные дела, и под этим предлогом я отказывался. А ведь я не работал в офисе от звонка до звонка и был вольной птицей. Бабушка Исидора, мать моего отца, оставила наследство – небольшое уютное шале в районе Патакона города Альборайи. В настоящее время это уже практически район Валенсии, расположенный в нескольких километрах к северу от кольцевой дороги. И я после смерти бабушки обосновался там. Помимо недвижимости, я получил крупную сумму денег, чему несказанно обрадовался. Мое творческое нутро всячески сопротивлялось однообразной работе в офисе, и этот небольшой, но все же капитал позволил вести более свободный образ жизни. И после окончания университета я подрабатывал в автомобильных изданиях чисто для своего удовольствия.

Мой отец постоянно проживал в Валенсии, в не самом благополучном районе Мальваросса. И я первым делом предложил ему перебраться в Альборайю. Но он уперся, заявив, что раз он тут родился и вырос, то тут и окончит свои дни. В принципе я его понимал. Есть своя прелесть в жизни на одном месте, ты знаешь каждый закоулок, тебе знакомы все пути для прогулок, все кафешки и магазинчики, а соседи – практически родные люди. Отец жил в обычном трехэтажном доме, построенном еще в середине прошлого века. Но когда получил свою часть наследства, то первым делом снял студию в стиле лофт, но в этом же районе. Это было небольшое по площади помещение, всего тридцать квадратных метров, зато с потолками в пять метров и огромными окнами. Отец

перетащил туда все свои принадлежности художника и был безмерно счастлив, что может спокойно писать картины при отличном освещении и в полной тишине. И часто он оставался там ночевать, благо на антресолях имелось спальное место.

Всегда стройный, поджарый, подвижный, с черными блестящими глазами, длинными седыми волосами, обычно завязанными в высокий хвост, с белой аккуратной бородкой и усиками, предпочитающий этнический стиль в одежде, отец все еще привлекал внимание противоположного пола. После развода с моей мамой он так и не женился. Бабушка Исидора постоянно «воспитывала» его, пыталась образумить и без конца искала подходящих невест, но все было бесполезно. Ее сын Теодор больше всего на свете любил свободу и себя. Он был эгоистом до мозга костей, ставил свои желания превыше всего, а желал он многого, так как был жадным до жизни. И в какой-то момент поняв, что его призвание – живопись, бросил престижную работу банковского служащего и начал творить, считая, что основное для любого человека – это полное беззастенчивое самовыражение и нужно успеть сказать этому миру все, что «диктует тебе Господь Бог», ни больше, ни меньше. Женщин мой отец любил, но, как мне кажется, все его романы служили своего рода подпиткой творческого жара. Пылкость натуры я унаследовал от него, несомненно.

Бабушка Исидора была озабочена судьбой безалаберных сына и внука и беспрерывно нас поучала и наставляла на путь истинный. И мой отец со временем выработал беспроигрышную тактику: со всем соглашаться, этим на время успокаивая мать, но делать по-своему. Дедушка умер намного раньше ее, и всю свою любовь она изливала на нас. Часто это был невыносимый гнет. Но когда она умерла, я вдруг ощутил пустоту.

Наверное, в память о ней я стал более внимательным к Милагрос. Бабушка упорно и годами сватала нас. Дом девушки находился на противоположной стороне улицы от жилища Исидоры. Они были добрыми соседями, дружили семьями, часто ходили друг к другу в гости. Милагрос, можно сказать, выросла на глазах моей бабушки. И та считала, что лучшей жены мне не найти. И даже когда девушка уехала в Мадрид на учебу, Исидора не успокоилась и частенько говорила мне, какой я «болван, раз упустил такой цветок».

После возвращения из России я какое-то время был словно не в себе. Лара вошла в мою кровь, я мучился воспоминаниями, в распаленном воображении девушка виделась неземным ангелом, идеалом без каких-либо недостатков. Я отчего-то

моментально забыл все неровности ее поведения, излишнюю нервозность, странное безразличие к правилам поведения. И помнил только то ощущение чистоты и нежности, которое всегда возникало внутри меня, если Лара находилась рядом. Ее лицо всплывало из памяти, глаза казались цвета индиго, волосы – золотыми, улыбка – волшебной. Но я понимал, что девушка будоражила меня своей юной прелестью, и, по сути, я совсем ее не знаю. Это немного отрезвляло, но затем снова и снова накатывали все те же сильные и непонятные эмоции. И хотелось все бросить и помчаться в Ростов?на-Дону.

Осень в тот год была ласковой, море – шелковым. Пляж Патакона пользовался спросом, сюда приезжали жители Валенсии, и было полно туристов. Красивые загорелые девушки играли в пляжный волейбол, лежали на полотенцах, бродили по кромке воды. Чтобы напрочь выбросить из головы мысли о Ларе, я решил найти себе подружку и почти все дни проводил на пляже. Знакомился я всегда легко, а девушки охотно шли мне навстречу. Помогал фотоаппарат, красотки с удовольствием соглашались позировать на фоне моря. Если девушка мне нравилась, я договаривался о том, как отдать ей снимки. Мы встречались, я надеялся, что обоюдная симпатия перерастет во что-то большее. Но все ограничивалось банальным сексом на один-два раза. Со мной что-то произошло, и я после интимной близости терял всякий интерес к партнерше. Многие потом доставали звонками, обижались, присылали обидные СМС. Но я не обращал внимания и часто даже не мог вспомнить, кто это. Никогда у меня не было столько «одноразовых» подружек, как в ту осень.

Как-то я отправился на довольно удаленный пляж La Devesa. Именно там собираются нудисты. Что я хотел найти? Сейчас уже сам не знаю. Обнаженные тела на белом песке показались мне скорее асексуальными. Тогда я решил поснимать. Но как только я расчехлил фотоаппарат, ближайшие ко мне нудисты начали возмущаться и кидать в меня камешками.

– Или раздевайся, или убирайся! – услышал я гневный окрик позади себя и резко обернулся.

И тут же начал смеяться. Две полностью обнаженные девушки стояли в картинных позах и возмущенно на меня смотрели. Одна из них была Милагрос. Высокая, сухощавая, с узкими бедрами и маленькой грудью, она казалась подростком, хотя я знал, что она на три года старше меня. Черные густые волосы падали ей до лопаток, большие жгуче-черные глаза казались блестящими крупными маслинами.

– Ой, это ты! – быстро сказала она и тоже рассмеялась. – Не ожидала тебя здесь увидеть.

– Мили, познакомишь? – спросила ее подружка и кокетливо на меня глянула.

Я зацепился взглядом за ее густые каштановые волосы, слегка развевающиеся на ветерке и искрящиеся на солнце золотыми нитями. Девушка мне понравилась, ее энергия притягивала. Ее подвижное округлое лицо имело не совсем правильные черты, нос казался коротким, а губы слишком пухлыми, но это не портило ее красоту, наоборот, придавало индивидуальное очарование.

– Не-а, – неожиданно ответила Милагрос, – даже и не смотри. Это мой жених с самого детства! – задорно ответила она и снова засмеялась.

– Ну и не надо! – с обидой ответила девушка, зло посмотрела на Милагрос и быстро двинулась в сторону большой компании, обосновавшейся у самой воды.

– Зачем ты так? – с недоумением спросил я, невольно провожая взглядом аппетитную фигуру ее подруги и стараясь не фиксировать внимание на колышущихся ягодицах.

– Вернуть? – бросила она.

– Пожалуй, не стоит, – сказал я.

Милагрос открыла рюкзачок и, не торопясь, оделась. Машинально мой натренированный «взгляд фотографа» отметил, как красиво ярко-желтый сарафан оттеняет ее смуглую кожу и черные волосы.

– Ты на машине? – уточнила она.

– Ну, сюда же общественный транспорт не ходит, – весело ответил я, наблюдая, как девушка вынула из рюкзачка щетку для волос и занялась прической.

– Подбросишь? – спросила она.

– Ты вроде с компанией, – заметил я.

– И что? Может, хочу с тобой домой вернуться, – с улыбкой проговорила девушка и помахала ребятам рукой.

Ее подруга встала и что-то крикнула. Я скользнул взглядом по ее большой, но упругой груди с торчащими сосками и ощутил прилив физического желания. Тут же начал раздражаться и переключился на Милагрос.

– Я сейчас… – сказала она.

– Жду тебя у машины, – ответил я и ушел, злясь на себя из-за плохо контролируемого всплеска вожделения.

– А где твой друг? – поинтересовался я, как только мы поехали. Из рассказов Исидоры я знал, что Милагрос, как только уехала в Мадрид, встретила парня, влюбилась, они несколько лет жили в гражданском браке и даже дело шло к свадьбе.

– Расстались, – коротко ответила она и отвернулась в окно.

– И ты вернулась из Мадрида домой? – продолжил я расспросы. – Решила жить с родителями?

Но Милагрос не ответила. И всю дорогу молчала. Я ругал себя в душе, что согласился подвезти ее. Терпеть не могу такие вот неловкие моменты и обычно не форсирую события. Хочет девушка играть в молчанку, так пусть себе развлекается в одиночестве.

Я высадил Милагрос у ее дома, но ее настроение уже поменялось, она и не думала уходить.

– Мама приготовила орчату, – сообщила она, наклонившись к открытой дверце машины. – Хочешь зайти?

Я люблю напиток из молотых клубеньков чуфы (земляного миндаля). И то, что Милагрос вдруг предложила составить ей компанию в этот вечер именно таким

способом, и умилило, и насторожило. Никогда между нами не пробегала пресловутая искра, мы просто дружили, она для меня всегда была милой соседской девчонкой, и ничего более. Все старания бабушки Исидоры свести нас вызывали лишь улыбки, и мы постоянно подшучивали друг над другом, называя себя неудавшимися женихом и невестой. А потом она уехала в Мадрид, завела серьезный роман, мы встречались изредка, когда девушка гостила у родителей. И вот все поменялось. Милагрос оказалась снова свободной. И кто знает, что теперь было у нее на уме.

– Обожаю орчату, – медленно проговорил я, обдумывая, как поступить. – Знаешь, есть даже легенда, как возникло такое название.

– Интересно, – ответила она, подхватила меня под локоть и вытянула из машины.

Я в растерянности посмотрел в ее глаза. Они были черны, зрачки практически сливались с цветом радужки. Холодок волнения пробежал по моей спине.

– Так вот, – начал я, чтобы унять эмоции, – по легенде, одна из крестьянок этой местности, а Альборайя всегда была основной зоной возделывания чуфы, поднесла этот напиток правителю… кажется, это был Хайме, король Арагона. Ну неважно. Правителю понравился вкус напитка, и он спросил, что это такое. Крестьянка ответила, что он попробовал «молоко чуфы». Хайме заулыбался и изрек: «Это не молоко, это золото, красавица!» («Axo no es llet. Axo es or, xata») – и от сочетания этих слов и появилось: орчата.

Для читателей поясню, что золото – or, а красавица – xata. И на каталанском языке название этого традиционного и очень распространенного напитка – orxata.

– Как интересно, – ответила Милагрос, не сводя с меня глаз. – А я даже и не знала о такой легенде.

– Сейчас знаешь, – с улыбкой ответил я и не двинулся с места.

– А ты чего время тянешь? – сделала она странный вывод. – Сказки мне тут рассказываешь… Зайдешь или как? Мама и роскильетас испекла к орчате.

– Прекрасно, – задумчиво ответил я, но аппетит при воспоминании о вкусе хрустящих бисквитов роскильетас взыграл.

– Или ты предпочитаешь фартонс? – не унималась Милагрос.

Так называются хлебные палочки, посыпанные сахарной пудрой. Их всегда подают в орчатериях к этому напитку.

«Вот уж точно, путь к сердцу мужчины…» – подумал я, но ответить не успел.

Рев мотора заставил оглянуться. К нам на бешеной скорости приближался мотоцикл. Профессиональная деформация, видно, уже началась, хотя я не так долго работал в автожурналистике. И первым делом я на глаз определил модель – это был мощный Ducati?1098, появившийся на рынке пару лет назад. В прошлом году я снимал в Барселоне байк-шоу и изучил эту крутую модель. И даже сделал на ней тестовую поездку. Мотоцикл разгонялся до сотни всего за три секунды, а максимальная скорость превышала двести километров в час.

– Дьявол! – раздраженно бросила Милагрос и вывела меня из размышлений о характеристиках Ducati. – Мария тут как тут. Запала на тебя, стерва!

Но я не обратил на ее высказывание никакого внимания, уж очень хороша была картинка: мощный байк, поднимающий облака сероватой пыли, обтекаемые черные бока корпуса, поблескивающие в лучах уже низкого солнца, пилот за рулем – спортивный загорелый парень с белыми, выгоревшими на солнце волосами, из-за его спины выглядывала «наездница». Широкая белозубая улыбка, развевающиеся каштановые пряди – девушка эффектно стянула шлем – я больше не смог выдержать и быстро вынул фотоаппарат. Не мешкая, начал снимать. Мотоцикл резко затормозил, чуть не задев бампер моей машины. Рев двигателей затих, но стала слышна громкая музыка, несущаяся из крохотного радиоприемника, висящего на груди пилота. Это было что-то в стиле хаус, совсем не моя тема. Я люблю джаз и с трудом воспринимаю современные «продвинутые» треки, и особо не терплю любую электронную музыку.

– Привет еще раз! – весело проговорила девушка и соскочила с байка.

Я невольно окинул взглядом ее крепкие загорелые ноги, почти полностью открытые. Голубые джинсовые шортики походили скорее на трусики и вообще

ничего не скрывали. Тонкая белая майка на голое тело позволяла любоваться гладкими плечами и торчащими сквозь ткань напряженными сосками. Я невольно глотнул – вдруг пересохло в горле – и отвел взгляд.

– Спасибо, Пако! – сказала она и чмокнула парня в щеку. – Круто ты меня прокатил. Обожаю скорость.

– Зайдешь? – вяло спросила Милагрос пилота.

– Не-а, у меня дела, – ответил Пако и завел мотор.

Когда мотоцикл отъехал, незваная гостья в упор посмотрела на меня и протянула руку.

– Мария, – представилась она и обворожительно улыбнулась.

– До чего же ты нахальная, – беззлобно заметила Милагрос.

– Ну раз ты не хочешь знакомить меня с твоим очаровашкой-соседом, то пришлось самой… брать быка за рога! – задорно ответила Мария.

– Диего, – сказал я и улыбнулся.

Люблю таких легких в общении девушек.

– Знаю, знаю, – лукаво произнесла она. – Наслышана от подруги.

– Буду звать тебя Машей, – заявил я. – Или даже Машуней.

– Шуня? Это что-то по-русски? – уточнила девушка, не переставая улыбаться.

– Забей, – посоветовал я и рассмеялся. – Пусть будет Марита. Так тебе привычнее.

– А я вам не мешаю? – раздраженно спросила Милагрос.

– Мешаешь, милая Мили, – без раздумий ответила Мария и села ко мне в машину.

– Гадина! – бросила Милагрос, развернулась и распахнула калитку.

Но я останавливать ее не стал, мне захотелось поближе познакомиться с ее подругой. Она меня волновала на физическом уровне. Но другие отношения с девушками, кроме ни к чему не обязывающего секса, меня сейчас мало интересовали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/valensiya_diego/solnechnaya-pyl

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити